

Про Калина-царя

Поднимался собака злой Калин-царь,
И с ним было силушки сорок царей со царевичем
И сорок королей с королевичем,
У каждого царя силы по три тысячи,
И с самим царем — силы не сказано.
И подступал он под стольный Киев-град,
И ехал через матушку Неву-реку,
Становился на луга на зеленые,
Разоставлял белы шатры полотняны
И стал в шатрах опочев держать.
Не спится собаке, вдвое грезится.
Выходил собака из бела шатра,
Говорил собака таковы слова:
— Гой если, мои слуги верные, сорок царей,
Несите мне ременчат стул,
Станемте мы думушку думати:
Кого мы пошлем в стольный Киев-град?
А есть у нас татарин трех сажен,
В толщину татарин шести аршин,
У него голова, как сenna копна,
У него глаза, как пивны ковши,
Промежу глазами — калена стрела,
Промежду ушами — туг зеленый лук.
И тут татарин не послушался,
Бежит татарин в стольный Киев-град
К ласкову князю Володимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву,
Бежит на улицу на широку
И воходит во палату белокаменну.
Богу собака не молится
И ласкову князю не кланяется,
И сам говорит таковы слова:
— Сгой еси ты, ласковый Владимир-князь,
Сдавай ты нам стольный Киев-град
Без бою, без драки и без рубежа,

Без того кроволитья напрасного,
Девок, баб мы пленницам выловим,
Самого князя в полон возьмем!

Тут-то Владимир-князь испужается,
Его резвые ноги подсекаются,
И белые руки опустились,
И буйна голова зачем с плеч не катится.
Есть у матушки у Невы-реки
Ездит-де удалый добрый молодец,
Под ним добрый конь, как бы лютый зверь,
И сам на коне, как сокол, сидит,
По имени старый казак Илья Муромец,
И сам он говорит таковы слова:

— Что ты, матушка Нева-река,
Не по-старому течешь, не по-прежнему,
Посередь тебя струечка кровавая?

Будто провегцует матушка Нева-река
Старому казаку Илье Муромцу:

— Ехал по мне злой Калин-царь,
Злой Калин-царь сын Смородьевич,
Подступал он под стольный Киев-град,
Становился он на луга на зеленые,
И просит он у князя поединщика.

И тут старому за беду стало,
Поворачивал он своего добра коня,
Поворотил свое лицо белое,
И бежит он скоро в стольный Киев-град
И ко ласкову князю Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву.
И бежит он на улицу на широку,
И соскакивал старой со добра коня,
Не спрашивал у ворот приворотников,
Не спрашивал у дверей придверников,
Отворял он двери помалешеньку,
Запирал он двери потихошеньку,
Воходил он во светлую во светлицу,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому:
— Здравствуешь, ласковый Владимир-князь

И со душечкой со княгинею!

Князь не может ему ответу дать.

— Что это у те что за болван стоит,
Болван стоит да неотесанный?

Взял поднял свою черну шляпу

И ударил татарина поганого,
И прошиб он стену белокаменну,
И улетел татарин за три версты,
За три версты пятисотные.

И тут князь возрадуется,
Наливает он чару зелена вина,
Немалую чару — в полтора ведра,
Дает чару Илье Муромцу.

Принимает старый единой рукой,
Выпивает старый единым духом.
Отошедши, старый поклоняется.

И говорит ласковый Володимир-князь таковы слова:

— Сгой еси ты, старый казак,
Старый казак Илья Муромец,
Послужи ты мне верой-правдою,
Верой-правдою неизменною —
Согони ты собаку зла Калина-царя
Со моего поля зеленого!

Говорит князю Илья Муромец:

— Послужу я тебе верой-правдою,
Верой-правдою неизменною,
Только дай ты мне благословенье.

И садился старый на добра коня,
И едет он в церковь соборную,
И воходит он в церковь соборную,
И ставил он свечу воску ярого
Перед матерью пресвятой богородицей,
И сам ставал на колени,
И поднимал свои руце кверху:

— И мати божья, пречистая богородица,
Пособи ты мне согнать зла Калина-царя,
За твой я дом стою — церкву соборную
И за тебя, мать пресвятая богородица!

И встал, и пошел из церкви соборныя.

И садился он на добра коня,
И едет он ко своей матери родимья.
И мать его выходит на красно крыльцо,
И встречат она сына на радостях.
— Здравствуешь, моя матушка родимая!
Здорово ты живешь, здоровешенько?
— Я, милый сын, здорова и здоровешенька,
Дак у нас, у ласкова князя Володимира
Не так здорово:
Подступал собака злой Калин-царь,
И просит он поединщика.
— Дак благословляй ты, матушка родимая,
Мне съездить согнать царя Калина,
Согнать со чиста поля!
Ну и зачал он по силе поезживать,
И зачал татар поколачивать,
И куда едет — делат улицу,
И куда повернет — переулички.
И злые татары — сдогадливые,
И копали они шанцы глубокие,
И становили в них сабли вострые.
Первый шанец конь перескочил,
Второй шанец бог перенес,
В третий шанец конь вскочил,
Сабли в шанце раздвоилися.
Тут татары задавили Илью Муромца
И связали ему руки белые,
Сковали ему ножки резвые,
И ведут его к царю Калину.
И бьет его Калин-царь по белу лицу.
И бегает его маленький Калинёночек,
Калинёночек, маленький цареночек:
— Не довлеть тебе молодца бить по белу лицу,
И тебе лучше бы молодца уговаривать.
Тут-то молодцу за беду стало,
Поднимат он кверху руки белые:
— Спас ли ты, боже милостивый,
За твой я дом стою, пресвятая богородица!
Не попало старому казаку Илье Муромцу,

Не попало палицы боевья,
Не попало ему сабли вострыя,
Не попало копья мурзамецкого,
Встряхнулся — ничего не стало на нем,
Попал ему татарин трех сажень,
И сохватал он татарина за резвы ноги,
И стал по силе похаживать,
И зачал татар поколачивать,
Поколачивать силу татаринном.
И куда идет — делат улицу,
Во сторону вернет — переулички.
И согнал собаку со чиста поля.

(Записал С. И. Гуляев от Л. Г. Тупицына (Алтай))

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.